

Порнография, порнуха и порно: мысли о поле, заросшем сорняками

Линда Уильямс

ПОЛЕ



А ПОЛЯМИ и огородами научных исследований нужно ухаживать. Иногда они цветут и плодоносят, иногда засыхают и погибают. Последние 10 лет работа по изучению порнографии для многих из нас осложнялась убеждением, что поле, которое мы создавали, требует легитимации в науке. Часто мы занимались своим делом с апостольским рвением. Несмотря на все трудности, мы попытались создать поле, похожее на любое другое из научных полей настолько, насколько это возможно. В данном эссе мне хотелось бы трезво оценить то, что действительно было сделано. Оценить, что еще предстоит сделать для того, чтобы подобное поле, наконец, было создано, а не пребывать в вечном движении к его созданию.

В 1989 году я лично опубликовала первую (и последнюю) книгу о порнографии — «Хардкор: мощь, наслаждение и „безумие видимого“»¹. Вряд ли то была первая книга на данную тему, но, думаю, это было первое академическое феминистское издание, в котором уделялось внимание форме и истории порнографических фильмов, а также силе их воздействия и наслаждения, получаемого от них. Этой книгой я не собиралась создавать новое поле для исследований. Я лишь хотела лучше понять эти беспокоящие, удивляющие и раздражающие фильмы, ведь именно они получили сегодня наибольшее распространение (благодаря чему мое исследование и стало возможным). Как понимать порнографию — как часть массовой культуры или жанр, подобный другим жанрам кино? В чем ее послание нам, как зрителям, какова ее история?

1. *Williams L. Hard Core: Power, Pleasure, and the «Frenzy of the Visible»*. Berkeley, 1992.

В то время я не пыталась с помощью так называемых исследований порно стать частью академического сообщества. В 1989 году это казалось немислимым. Тем не менее спустя 10 лет после того, как было опубликовано второе, дополненное издание моей книги, мне пришла в голову идея о возможности подобной трансформации. На мой взгляд, подобные исследования могли бы превратиться в одну из областей киноведения; другие могут посчитать, что «исследования порно» могут стать подразделом истории, искусствоведения, антропологии, культурологии или развивающейся квир-теории. Для третьих эти исследования могли бы превратиться в междисциплинарную теорию и быть приняты различными дисциплинами, в рамках которых и осуществлялись бы необходимые исследования.

После 2004 года, когда вышла книга научных текстов (некоторые из ее авторов были моими студентами) под названием «Исследования порно», ко мне пришла уверенность в том, что появление такого поля исследований не просто возможно, но и неизбежно². Конечно, сам грубоватый и неформальный заголовок этой антологии должен был быть прочитан как указание на то, что такое поле уже возникло. Да, *было* возможно отложить в сторону утомительные споры между защищающим цензуру, настроенным против порнографии феминизмом и направленным против цензуры «секс-позитивным» феминизмом. Это поле исследований было задано моей антологией, а также вышедшей ранее, в 1999 году, широкомасштабной антологией «Порнуха 101», а позднее книгой Питера Лемана «Порнография, кино и культура» 2006 года³.

Вернусь к собственной антологии «Исследования порно», поскольку она может служить типичным случаем определения исследовательского поля дисциплины, не принятой иными областями знания. Ретроспективный взгляд поможет мне внести толику критического отношения к предмету, отсутствовавшего изначально. Оказались ли исследования подобного предмета продуктивными или нет? Антология специально была расширена до 496 страниц, чтобы впечатлить читателей своим объемом, вместившим представления различных авторов обо всех видах порнографии. Целью первого раздела было формирование представления о разнообразии поля исследований. Одновременно важно было уточнить, что поле это не ограничено узким диапазоном гетеросексуального жесткого порно, которое

2. Porn Studies / L. Williams (ed.). Durham, 2004.

3. Elias J., et al. Porn 101: Eroticism, Pornography, and the First Amendment. Amherst, N.Y., 1999; Pornography: Film and Culture / Lehman P. (ed.). New Brunswick, NJ, 2006.

уже было подвергнуто анализу в книге «Хардкор». Это и было сделано в статьях, посвященных, казалось бы, далеким от порно предметам: отчету прокурора Старра о сексуальных отношениях президента Клинтона со стажеркой (статья Марии Сент-Джон), хоум-видео Памелы Андресон и Томми Ли — домашнему видео, получившему статус вирусного задолго до того, как появился подобный термин (статья Минетт Хиллиер). Кроме того, в книге был дан пример японского жесткого порнографического комикса, который позиционируется как ориентированный на женскую аудиторию (статья Деборы Шамун). Заключительная статья раздела была посвящена анализу любительских порносайтов (статья Забет Паттерсон). В этой части книги удалось показать все разнообразие проявлений порнографии. Возможно, это было сделано в ущерб описанию того, что остается мейнстримом жесткого гетеросексуального порнографического видео, которое распространяется на DVD или онлайн. В итоге может сложиться искаженное впечатление о господствующих формах порнографии. Как мы увидим, этот раздел предвосхищает риторику, которая будет рассмотрена ниже.

Во втором разделе «Гей, лесбийские и гомосоциальные порнографии» была предпринята попытка очертить границы порнографии, не ориентированной на гетеросексуальных представителей общества. Иными словами, акцент в данном разделе был сделан на истории гомосексуальной порнографии. В нем были представлены эссе Томаса Во о гомосоциальном измерении условий появления классического американского «холостяцкого» кино; эссе Рича Канта и Анджело Рестиво о культуре и эстетике гей-порно, сосредоточенное на анализе ключевого фильма 1977 года; эссе Хитер Батлер, которое впервые обращается к теме появления лесбийской порнографии в период между 1968 и 2000 годом; эссе Джейка Герли о гомосексуальных элементах, которые в традиционную порнографию внес режиссер-гей. Первое и последнее из перечисленных эссе базируются на значении возможного гомосексуального контекста для понимания предположительно «традиционных» порнофильмов.

Из всех возможных областей исследования порнографии квир и «квиринг» тенденции, вероятно, процветают в наибольшей степени. Происходит это несмотря на то, что мужская сторона квир-пространства явно более успешна, чем женская. И пусть лесбийское порно активно производится в Германии и Сан-Франциско, активности в появлении академических исследований данного феномена не наблюдается. Здесь не появилось ничего похожего на ранние новаторские исследования гей-порно, подобные исследованию Ричарда Дейера или историческому обзору Томаса Во, посвященному гей-эротизму в фотографии и кино до Стоуну-

олла, или на волнующие воспоминания Сэмюэля Делани «Красный Таймс Сквер, Синий Таймс Сквер», или на главу о наглядности зеркальных поверхностей в «Стратегиях извращений» Эрла Джексона-младшего, или на исследование социально-культурного контекста восприятия геев и откровенной порнографии в «Этике маргинальности»⁴ Джона Шампэйна. Данная область истории, этнографии, квир, кино- и медиаисследований между тем была открыта благодаря, казалось бы, далеким от этого феминистским дискуссиям. Если лесбийская порнография и ее исследования развивались медленнее, возможно, потому, что они пострадали вследствие дискуссий в *Off our backs* и *On our backs*⁵.

Две последние из опубликованных книг о данном предмете демонстрируют весь спектр исследований феномена. Популярное освещение Джеффри Эскофье проблемы появления гей-порнографии в книге «Больше, чем жизнь: история гей-порнофильмов от Бифкейка до хардкора» (2009) — это авторитетное исследование гей-порнографии начиная с 1970-х годов: студий, звезд, авторов⁶. Так как книга написана осведомленным энтузиастом, ее можно рассматривать в качестве образца подобных популярных изданий о порнографии. Также в 2009 году была издана книга о субкультуре любителей «незащищенного анального секса» «Неограниченная близость» Тима Дина, которая подтвердила, что данное поле исследований может быть обеспечено широким спектром подходов⁷. Это исследование теоретически противоположно фанатскому подходу Эскофье, несмотря на то что также является результатом работы любителя исследуемого феномена. То, что Дин в книге стремится прочесть порнографию как если бы это была аутентичная этнография субкульту-

4. Delany S. R. Times Square Red, Times Square Blue. N.Y., 1999; Jackson, Jr. E. Strategies of Deviance: Studies in Gay Male Representation. Bloomington, 1995; Champagne J. The Ethics of Marginality: a New Approach to Gay Studies. Minneapolis, 1995.
5. Я ссылаюсь на два успешных лесбийских феминистских журнала: *Off Our Backs*, антипорнографический журнал, который издавался с 1970 по 2008 годы и занимал позицию изображения лесбийского секса как положительно и естественного феномена; а также лесбийский ответ 1984 года *On Our Backs*, целью которого была, и остается по сей день, не только критика антипорнографических убеждений предшественников, но и трансформация в производителя лесбийской порнографии (с помощью *Fatale Video*). Лесбийская порнография, в отличие от политкорректной мягкости *Off Our Backs*, делала акцент на групповых сценах, использовании искусственных пенисов и садо-мазо лесбийских фантазий. См.: Butler H. What Do You Call a Lesbian with Long Fingers? // Porn Studies. P. 178.
6. Escoffier J. Bigger than Life: the History of Gay Porn Cinema from Beefcake to Hardcore. Philadelphia, 2009.
7. Dean T. Unlimited Intimacy: Reflections on the Subculture of Barebacking. Chicago, 2009.

туры, — потрясающе оригинально. Одна из самых интересных находок этой книги состоит в следующем: наиболее длительный троп очевидного мужского удовольствия — повсеместное принятие факта съемок за деньги — более не является необходимым элементом субжанра, в котором фантазия стала невидимым «создателем» вируса. Центральная идея Дина в том, что *bareback*-порнография «представляет собой способ мышления о телесных преградах, о близости, о силе», что также выступает «обоснованным способом осмыслить вирус». Это наиболее провокационный вклад в изучение порнографии, который я встречала за последние годы (несмотря на то что он в то же время является и наиболее проблематичным, о чем ниже)⁸. Кажется, не может быть сомнений, что данное особое поле исследований порнографии продолжит процветать благодаря людям, которые пишут об этом и которые считают свои тексты ключевыми для собственного становления как исследователей.

Намного менее популярным является поле, которое было обозначено в третьем разделе моей антологии: «Порнография, раса и класс». Классовый аспект, в этой части представленный уже опубликованным ранее эссе Констанции Пенли «Белый мусор порно» (*The White Trashing of Porn*), был дополнен в этом разделе двумя попытками выйти за пределы привычных жалоб о расовых стереотипах, понять их популярность в контексте порнографии. Стереотип о слабой сексуальности азиатских американских мужчин (о котором рассуждает Ньен Тан Ханг в тексте «Воскресение Брендона Ли: создание азиатской американской гей-порнозвезды») и стереотип о черных мужчинах и женщинах в эссе «Порнушка на границе рас» — два очевидных примера. Если порнография — это жанр, который «стремится поведать о дискурсивных истинах секса», то что случается с телами, обладающими расовой характеристикой, которые попросили раскрыть их версии «истин», отягощенные их расовыми характеристиками? Зачастую происходит несколько притупленная эротизация самих табу, которые остаются непроговоренными в утонченных формах культуры.

В этих эссе мы встречаем то, что многие критики порнофильмов считают границей серьезного исследования этого объекта. Даниель Бернарди, например, пишет, что «смотреть порнографию — это не то же самое, что производить физические акты насилия (как изнасилование), но это может привести к сохранению — или забвению — идеологий насилия, например расизма»⁹.

8. *Idem*. P. 105.

9. *Bernardi D.* Interracial Joysticks: Pornography's Web of Racist Attractions // *Pornography: Film and culture* / P. Lehman (ed.). New Brunswick, NJ, 2006.

Бернарди указывает на причину того, что этот аспект исследовательского поля развивается относительно медленно. Даже простое заявление об исследуемом предмете может раскрыть расистское или стереотипное отношение к «другим», которое остается скрытым в иных формах их изображения. Бернарди критикует поле исследований порнографии за то, что оно не касается проблемы расы, и в то же время осуждает исследователей проблемы расы, если те не говорят, как неоднократно делал он сам, что расистская (и только расистская) порнография находится за рамками допустимого и не представляет никакого культурного интереса. Дабы доказать это, он цитирует Ричарда Фунга, который критикует смешение представлений об Азии и анальный секс, как будто это хуже, чем смерть, — именно такая позиция представлена в эссе Ньен Тан Ханг¹⁰. Бернарди — один из немногих исследователей, которые, как я знаю, соглашаются с первой версией известной аналитической статьи Кобены Мерсер о фотографиях обнаженного черного мужчины авторства Мэплторпа¹¹. В то время как Бернарди старается не называть расистскими те немногие фотографии, которые использует для того, чтобы написать о расе и порнографии в контексте Соединенных Штатов Америки, он отдает себе отчет, что такие исследователи, как я или Мерсер во второй версии ее эссе о Мэплторпе, являются недостаточно антирасистами. Это возвращает нас, довольно травматически, к сходно ложной дихотомии анти- и пропорнографических тенденций, вследствие которой феминистские дискуссии 1980–1990-х годов были столь запутанными. В самом деле, Бернарди описывает меня как «радикальную секс-феминистскую» исследовательницу, которая пишет о «достоинствах порнографии»¹². Здесь мы сталкиваемся с вечной проблемой поля: писать о порнографии в подробностях и с интересом не означает автоматически защищать ее достоинства. Наверное, заинтересованность в порнографии или расе (или пересечении расы, класса и гендера с их перформативной идентичностью) помещает нас по ту или другую сторону разделения анти-/пропорно, которое, я уверена, должно быть преодолено исследователем порнографии.

10. *Nguyen H. T.* A View from the Bottom: Asian American masculinity and sexual representation. PhD Diss., 2008.

11. В своей первой опубликованной статье 1986 года Мерсер критиковала Мэплторпа, но уже во второй статье она пересмотрела свое прежнее мнение. В 1992 году она включила обе статьи в книгу «Секс скинхеда: расовое различие и гомоэротическое воображение». Мои заметки взяты из переизданных текстов, включенных в книгу 1994 года. См.: *Mercer K.* Welcome to the Jungle: New Positions in Black Cultural Studies. N.Y., 1994.

12. *Bernardi D.* Op. cit. P. 220–243.

Намного менее спорный аспект поля исследований порнографии рассмотрен в текстах четвертого раздела моей антологии: пересечение или же в некоторых случаях четкое разделение между мягкой и жесткой формами сексуальной репрезентации. Отчасти несправедливо, что хардкор удостоился наибольшего внимания в поле, связанном с мягкими и менее подробными эротическими изображениями. В этой части антологии Деспина Какудаки показала, как пинап-изображения, получившие распространение в период Второй мировой войны, привели к росту патриотизма, а Эрик Шефер объяснил значительное влияние технологии 16-миллиметровой пленки на переход от сексплуатационной эротике к жесткому порно, его легальности и нарративности. Шефер отмечает важность эксплуатации и, в частности, сексуальной эксплуатации в кино для развития жесткого порно. Здесь нам также открывается крайне важная область, о которой много говорится в книгах Линды Рут Уильямс, Дейва Эндрюса и Нины Мартин — все они заостряют внимание на нежестких фильмах с гетеросексуальными и лесбийскими эротическими сценами, которые пользовались огромной популярностью.

Наиболее интригующим в данной работе я считаю то, что в отличие от моих собственных исследований жесткой порнографии конца 1980-х — 1990-х, здесь отсутствует мнимое или, как утверждается, предопределившее исследовательский вектор влияние феминизма, выступавшего против порнографии, — феминизма столь распространенного в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Исследователи жесткого порно этой эпохи должны были связать «легитимность» этого поля с резкой антипорнографической феминистской позицией, которая подразумевает рассмотрение эксплицитных сексуальных репрезентаций как типичный пример мужской объективации женщины. Работа Линды Рут Уильямс, которая совершила революцию в академическом поле феминистских исследований легкого порно в книге «Эротический триллер в современном кинематографе» (2005), наоборот, не нуждается в защите¹³. Также не нуждаются в защите текст Дейва Эндрюса, последователя Линды Рут Уильямс, «Мягкий внутри: свойства современного легкого порно и его контексты» (2006)¹⁴ или же труд Нины Мартин «Секси-триллеры: разоблачая эротический триллер» (2007)¹⁵.

13. *Williams L. R. The Erotic Thriller in Contemporary Cinema. Bloomington, 2005.*

14. *Andrews D. Soft in the Middle: the Contemporary Softcore Feature in its Contexts. Columbus, 2006.*

15. *Martin N. K. Sexy Thrills: Undressing the Erotic Thriller. Urbana, 2007.* Забегая вперед, отметим, что Елена Горфинкель вскоре должна опубликовать

Во всех работах утверждается важность жанра легкой эротики, у которого имеется своя сложная история и традиция, смежная с порнографией: с одной стороны, он недооценен как несостоявшийся секс-фильм (недостаточно эксплицитный), с другой стороны, он считается видом порнографии для женщин. Линда Рут Уильямс называет его кинематографическим эквивалентом «прерванного полового акта»¹⁶. В то же время остается открытым вопрос: любой ли неявленный секс должен называться легким порно (если не всегда этот секс подчеркнут или открыто нацелен на возбуждение)? Наиболее значимым для изучения жанра легкого порно может стать его очевидная апелляция как к зрителям-мужчинам, так и к зрителям-женщинам. Легкое порно, исследованное этими авторами, может существовать по своим собственным законам (как утверждает Эндрюс), но в нем всегда имитируются сцены секса, переплетаясь с повествованием, вызывающим дрожь и создающим чувство опасности. Уильямс, Эндрюс и Мартин освещают жанр, много заимствующий из традиции романтических фильмов и мыльных опер, который прежде всего можно найти в домашних видеотеках, но также связанный с традицией нуара и триллера, в результате чего рождается довольно мощный гибрид¹⁷. Историческая категория кинематографа «сексплуатации» также достаточно хорошо разработана в новых работах Эрика Шефера и Елены Горфинкель, которые будут опубликованы в ближайшее время¹⁸.

Краткий завершающий раздел моей весьма вместительной антологии был посвящен «Порнографии как авангарду». В этой части книги утверждается, что изучение порнографии в ее связи с авангардом имеет определенное преимущество, поскольку позволяет рассматривать порнографию в свете явлений авангарда, и наоборот. В эссе «К признанию авангардной порнографии»

эссе о сексплуатационных фильмах и 42-й улице. Также появится ее книга о сексплуатационных фильмах, как и работа Эрика Шефера — «Ужас удовольствия: история сексплуатационных фильмов, 1960–1979».

16. «Если жесткое порно действительно делает, то легкое только подделывает. Если жесткое порно упорствует в аутентичности реального взгляда (подростковый шок при виде людей, действительно занимающихся сексом), легкое порно сдержанно, не может это показать — целует, но ничего не говорит» (*Williams L. R. The Erotic Thriller... P. 269–270*).
17. Позиции вышеобозначенного раздела о легком порно описаны в моем обзоре: *Idem. Studying «Soft» Sex // Film Quarterly. 2008. Vol. 62. № 1. P. 86–88*.
18. *Gorfinkel E. Dated Sexuality: Anna Biller's Viva and the Retrospective Life of Sexploitation Cinema // Camera Obscura: Feminism, Culture & Media Studies. 2011. Vol. 26. № 3. P. 95–135; Gorfinkel E. Tales of Times Square: Sexploitation's Secret History of Place // Taking Place: Location and the Moving Image / J. D. Rhodes, E. Gorfinkel (eds.). Minnesota, 2011; Sex Scene: Media and the Sexual Revolution / E. Schaefer (ed.). Durham, 2012.*

Ара Остервайль исследовала фильм «Минет» Энди Уорхола, а Майкл Сишински рассмотрел связь между научной организацией труда и высокоточными паузами узнаваемых порнографических движений в фильме «Ноэма» Скотта Старка. Авангард — не всегда порнография, и очень редко порнография — авангард (как, например, работы Энди Уорхола, Курта Макдауэлла, Уэйкфилда Пула, Кэроли Шниман, Барбары Рубин, Пегги Ауаш или Брюса Лябряуса). Тем не менее, как я уже писала в книге «Снимаемая секс» в отношении нарративных артхаусных фильмов, это то же самое, что и артхаус жесткого порно и хардкор-арт, и они иногда пересекаются интересным образом¹⁹. Действительно, Келли Деннис считает, что явление, называемое «Арт/Порно», получило развитие еще в античности, когда люди ласкали статуи, и находит свое продолжение сегодня в действиях интерактивного порно в Интернете — «навел и щелкнул»²⁰.

Я не претендую на то, что структура антологии «Исследования порно» смогла отобразить все поле изучения порнографии. На самом деле в ней многого не хватает, особенно это касается того, с чего началось изучение порнографии: мейнстрима, гетеросексуального жесткого порно, что, как следует из моей книги, а также из работы «Порнокопии» (1998) Лоуренса О’Тула, относительно игнорировалось всеми, кроме исследователей, отрицательно относящимися к порнографии²¹. Единственное исключение подтверждает правило: свободный журналист Дэвид Лофтус подарил глоток свежего воздуха, сделав интервью со множеством замечательных людей о том, как они используют порнографию²². На мой взгляд, ошибочно игнорировать порнографический мейнстрим. И О’Тул, и Лофтус пишут цепляющие, информативные книги, поскольку ведут журналистские расследования, а не занимаются написанием академических работ. Другая часть поля, нуждающаяся в дальнейшей разработке, — это существенная связь между новыми технологиями и порнографией, которая зачастую создает на них спрос. Я имею в виду под этим не истерические реплики, типичные для исследователей интернет-порнографии, а исторические/теоретические работы о пересечении государственной политики, новых технологий и того, что было воплощено в жизнь, которые уже были проделаны такими разными учеными, как Джозеф Слейд, Эрик Шефер и Венди Чун²³.

19. *Williams L.* Screening Sex. Durham, 2008.

20. *Dennis K.* Art Porn: A History of Seeing and Touching. Oxford, 2009.

21. *O’Toole L.* Pornocopia: Porn, Sex, Technology and Desire. L., 1998.

22. *Loftus D.* Watching Sex: How Men Really Repond to Pornography. N.Y., 2002.

23. *Slade J.* Pornography and Sexual Representation: A Reference Guide Vol’s I and II. Westport, 2001; *Schaefer E.* Bold, Daring, Shocking, True! A History of

Исследования порнографии, как я обозначила выше, процветают в некоторых областях, а о других нужно позаботиться. Академическое поле изучения — это отрасль знания на уровне колледжа или университета, признанная в научных сообществах и академическими журналами, в которых публикуются исследования. Что же нам нужно сделать, чтобы исследования порнографии стали еще лучше? Во-первых, необходимо делать те шаги, которые ожидаемы в любом другом исследовательском поле как само собой разумеющиеся. Несмотря на все, что было описано, и на то, какое место порнография занимает в общественном представлении, насколько я знаю, журнал по исследованиям порно не издается, и, конечно, не существует программы или академического центра по его изучению, нет также и научного общества, которое бы способствовало распространению изучения порно. В Институте Кинси, на который можно рассчитывать как на благоприятное место для хранения архивов и проведения исследовательских семинаров, не предусмотрено для этого достаточно ресурсов. Да и научные конференции, посвященные данной проблематике, проходят довольно редко²⁴.

В отсутствие научных сообществ, академических конференций и архивов мы в изобилии имеем антологии (хотя временами это изобилие случайных сорняков). Некоторые из антологий, однако, кажутся важными и определяющими исследовательское поле. К таковым относится, например, беспрецедентное издание «Изобретение порнографии» Линн Хант. Другие — всего лишь яркие сборники, подобные «Порнухе 101»²⁵. Несмотря на то что антологии в большой степени важны и влиятельны, только ими, на мой взгляд, нельзя поддерживать исследовательское поле. Кроме того, в отсутствие более содержательных работ они могут указывать на склонность исследователей к поверхностности — написанию статьи по случаю или участию в случайной панельной дискуссии, а не проведению длительной исследовательской работы, пополняющей копилку гуманитарного знания.

Exploitation Films, 1919–1959. Durham, 1999; Chun W. H. K. Control and Freedom: Power and Paranoia in the age of fiber Optics. Cambridge, 2006.

24. На самом деле конференция, для которой был написан этот текст, — это все же исключение, она всего лишь вторая в моей карьере. Я не считаю конференцию, на которую я была однажды приглашена в Лондон в *National Film Theater* и которая сопровождалась показами. В итоге показы были отменены, а сама конференция превратилась в закрытую встречу, во многом повторявшую содержание викторианского «Секретного музея».
25. The Invention of Pornography: Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800 / L. Hunt (ed.). N.Y.: Zone Books, 1993. Также см. антологию: Porn. Com: Making Sense of Online Pornography / F. Attwood (ed.). N.Y., 2010.

И здесь мы сталкиваемся с реальной проблемой. Возможно, лишь дюжина толстых монографий может быть названа вкладом в исследования порнографии. Это книги Стивена Маркуса, Уолтера Кендрика, Томаса Во, Лауры Кипним, Джейн Джаффер, Джозефа Слейда, Линды Рут Уильямс, Дейва Эндрюса, Эрика Шефера и Тима Дина. Я не считаю журналистов и тех, кто не принадлежит к академической общественности. Крайне редко авторы монографий, посвященных исследованиям порнографии, продолжают свою работу и готовят вторую книгу по данному предмету; а порой случается, что университетские издательства сами отказываются печатать подобные книги из-за возможных сложностей публикации изображений, которые могут быть признаны порнографическими²⁶. Если сравнить поле исследования порнографии, например, с устоявшимся полем хоррора, где, кажется, каждый месяц появляется новая книга, можно почувствовать разницу между действительно процветающим полем исследований и полем, отличающимся большей спорадичностью.

Как неодобрительно заметил исследователь легкого порно Дейв Андерс, нам кажется, что наше поле исследований постоянно находится на грани возникновения, но никак не возникнет. В зависимости от вашего отношения к предмету это может быть причиной для тревоги или надежды, но постоянное предвосхищение будущего поля — это одна из причин, по которой оно так и не может проявить себя. Сильно мешает решению этой проблемы тот факт, что не существует архива — довольно важного элемента, необходимого для культивации исследовательского поля. Недостаточная сохранность порнографического наследия — большая проблема, и мы не можем рассчитывать на то, что Интернет выручит и сделает за нас эту работу. Обсудив это на разных площадках, я могу лишь заключить, что отсутствие архива приводит к отсутствию серьезных историков²⁷. Иногда, конечно, как и в других «возникающих» полях, нужно рассчитывать на неспециалистов и даже на незаконный статус, вызвавший изначальный интерес. К сожалению, несмотря на это, интерес вскоре ослабевает, ожидания вроде «на-что-же-они-способны?» и «как-далеко-они-зайдут-на-этот-раз?» создают сенсацию из выхода книги, но не способствует созданию академического поля²⁸. Антипорнографические книги феминисток

26. См. репринт дискуссии: In Focus, Visual Culture Scholarship and Sexual Images // Cinema Journal. 2007. Vol. 46. № 4. P. 96–132.

27. «White Slavery» Versus the Ethnography of «Sexworkers»: Women in Stag Film at the Kinsey Archive // The Moving Image. 2005. P. 106–136.

28. Возможно, я идеализирую солидность других, более устоявшихся полей; возможно, я только говорю, что не хочу принадлежать к клубу, который

продолжают появляться, но в них заметно стремление переформулировать старые антипорнографические позиции и игнорируется роль воображения²⁹.

Так что же является абсолютным минимумом, необходимым для того, чтобы это поле было лучше возделано? Прежде всего должны появиться подходы и отрасли, некоторое количество постоянных публикаций, конференций и архивов, а также способность перейти (как это произошло на конференции в Буффало) от «затхлых цензурированных дискуссий» к вопросу, которым и задавались на этой конференции: «Что еще интересного можно сказать о порно?»³⁰. Иными словами, исследовательские дискуссии хотелось бы вести так, чтобы они выходили за пределы той обширной области, которая в первую очередь оживляет интерес к порнографии, — это дискуссии с феминизмом о порочности патриархального уклада или на относительно банальную тему неизбежности того, что называется порнографией.

ПОРНОГРАФИЯ, ПОРНО, ПОРНУХА

Но существует другая проблема, неотделимая от названий многих антологий, о которых я говорила (включая мои собственные). В изначальном пресс-релизе приглашения на конференцию в Буффало я просила участников описать тезисно «пути, которыми должны руководствоваться те, кто изучает порно, чтобы мы могли иначе думать о наших телах, репрезентации и сексе/сексуальности». В исправленном варианте пресс-релиза я попросила представителей научного сообщества принять участие в публичном форуме, который мог бы «положить начало формулированию концептуального вокабуляра для исследований порно как дискурса о границах». Я заинтересовалась «дискурсом о границах» и хотела бы обратиться к этой теме, но позвольте мне вначале рассмотреть другую деталь, которая была принята как само собой разумеющееся: сам термин «порно». В тексте я старалась использовать то, что можно назвать обыденным пониманием поля. В отличие от исходной терминологии, используемой в первом издании «Хардкора», при описании предметного поля я постепенно взяла на вооружение термин «порно». Как

включит меня в свою организацию в качестве члена, или что я хотела бы быть избранной в нем в качестве вожатой.

29. Everyday Pornography / K. Boyle (ed.). N.Y., 2010.

30. Более подробно с этими идеями можно ознакомиться в итоговых документах конференции *At the Limit: Pornography and the Humanities*, которая проходила 26–27 марта 2010 года в Буффало, Нью-Йорк.

мы пришли к тому, чтобы обозначать поле академических исследований этим термином? Почему мы потеряли частицу «графия» в термине «порнография»? Когда я говорю «мы», то в первую очередь имею в виду себя и антологию 2004 года, в которой этот термин был использован мною впервые.

В книге о порнографии 1989 года, несмотря на то что я иногда использовала слово «хардкор» как просторечный синоним существительного «порнография» и иногда как прилагательное, чтобы отличить жесткое порно от легкого, я старалась использовать слово «порнография», чтобы сказать о том, что фокус сосредоточен на эксплицитности и «максимальной видимости» сексуальных актов в противоположность легкому порно. Но в 1999 году, в эпилоге ко второму изданию «Хардкора», более просторечное слово «порно» начинает вкрадываться в текст, когда, например, я озаглавливаю один из подразделов эпилога «Классическая эра театрально представленного порно». Оглядываясь с сегодняшней позиции назад, в 1999 год, я нахожу, что проявила сентиментальность к амбициям «классической эры», когда порнофильмы рассказывали истории и использовали сексуальные фантазии, стремясь быть похожими на фильмы мейнстрима. В эпилоге я перешла на употребление слов «порно» и «порнуха» для обозначения порнофильмов³¹. Оба термина короткие и указывают на хорошую осведомленность: десяти лет исследования объекта достаточно, чтобы дать подобное прозвище, которое говорит нам о близком знакомстве с жанром.

Во времени, когда я опубликовала антологию того, что написано о жанре, озаглавленную «Исследования порно» (2004), могло сложиться впечатление, что я включала этот емкий термин в заголовок совершенно искренне и использовала его исключительно для того, чтобы полнее описать поле исследования. На самом деле я изменила первоначальный заголовок по желанию издательства. Первоначальное название «На/сценные порнографии» (*Pornographies on/scene*) отразилось бы на более низких продажах. Для университетского издательства *Duke University Press* моя игра со словами «об/сценный» (*ob/scene*) и «на/сценный» (*on/scene*) была слишком утонченной и не подходила для названия. Она слишком сильно опиралась на традицию парадоксального толкования одновременности откровения и сокрытия, которую заключал в себе слэш. Предложенный мною заголовок намекал на исторический переход от эпохи, когда любой явный секс рассматривался как «об/сценный» и исключался, становясь «вне/сценным» (*off/scene*), к современности, когда «об/

31. *Williams L. Hard Core. P. 298.*

сценное» вернулось на сцену. Связывая знакомо «об/сценное» с менее известным «на/сценным» и в то же время акцентируя внимание на неустойчивости слэша, разделяющего то, что вынесено «на/вовне» сцены, этот заголовок предполагал, что порнофильмы несут на себе печать прежней запретности, положения на некоей границе (как было заявлено в названии конференции в Буффало).

Другая причина для выбора нового названия заключалась в том, что пример публикации, в которой идея академического исследования соединялась с коротким, понятным словом «порно», уже существовал — антология 1999 года «Порнуха 101: эротика, порнография и первая поправка». То есть уже существует несколько книг и статей с подобным соединением («АртПорно», «Порно.Ком»), каждая из которых так или иначе говорит о признании этого распространенного феномена. И напротив, в статьях и книгах, в которых хотят выказать жанру неодобрение, обычно используется термин «порнография». В частности, речь идет о работах «Межрасовые джойстики: сеть порнографий для расистских влечений» Даниэля Бернарди, «Феминизм и порнография» Дрюсилла Корнелл, статья Гейла Динса и др. в сборнике «Порнография: производство и потребление неравенства», а также книге «Ежедневная порнография» под редакцией Карен Бойл³². Само использование термина «порнография», таким образом, имплицитно присуще антипорнографической, а равно цензурной позиции.

Иначе говоря, переход от защиты первой поправки к отстаиванию априорной ценности сексуального выражения как неизбежного шага на пути к прогрессу — неверный путь³³. Порнография «на/сцене» — это факт, который должен быть признан. Она не является формой прогресса или свободы, которая обязательно должна быть завоевана. В последнюю очередь я хотела бы, чтобы публикация «Исследований порно» — или использование такого названия — способствовала бы беспрепятственному водворению порнографии «на сцену». Возможно, оригинальный заголовок лучше выражал то, что я хотела сказать о неизбежности разворачивающегося в настоящее время конфликта, постоянного перехода друг в друга «на/сценности» (*on/scenity*) и «об/

32. *Feminism and Pornography* / D. Cornell (ed.). Oxford; N.Y., 2000; *Dines G., et al. Pornography: The Production and Consumption of Inequality*. N.Y., 1998; *Everyday Pornography* / K. Boyle (ed.). N.Y., 2010.

33. См., например, заявление Стивена Мэдисона, что «совмещение движения к новому тысячелетию и движения к более открытым разговорам о сексе соответствует модернистскому понятию прогресса»: *Madison S. Online Obscenity and Myths of Freedom: Dangerous Images, Child Porn, and Neoliberalism // Porn.com*. P. 20.

ценности» (*ob/scenity*) как частей неолиберальной дилеммы неуклонно растущего рынка всех видов сексуальной репрезентации. Этот рынок включает сегодня рынок исследовательских изданий о порнографии.

В моем собственном терминологическом сдвиге от порнографии к порно и порнухе находит свое выражение дилемма позиционирования себя самой «по одну из двух сторон» индустрии, основная цель которой состоит в зарабатывании денег на создании жизнеподобных сексуальных фантазий. С одной стороны, я уважаю достоинство секс-работников и поддерживаю требование лучших условий работы для них; с другой стороны, я поддерживаю «свободу слова» и хочу, чтобы сохранялась возможность существования порнографии как вида искусства, и не думаю, что исследователи поступали бы дальновидно, смешивая собственную научную работу с механизмом порнографической индустрии — даже если то, что мы делаем, может быть названо включенным наблюдением.

Когда исследователь принимает язык индустрии во имя объекта изучения, это подобно тому, как если бы киноведение называло себя «исследование фильмов». В поле киноведения было сделано многое, чтобы заслужить то уважение, которым оно сейчас пользуется в академической среде, и произошло это не за счет ассоциирования себя с кинопроизводством. Но я не имею в виду, что мы должны избегать терминов индустрии, чтобы обозначить суть половых актов. Эти термины полезны и часто достаточно красноречивы. Однако когда мы называем поле, в котором работаем, то мы должны быть исследователями, историками и критиками, хорошими, даже если часто мы являемся фанатами, пользователями, шокированными и/или возбужденными наблюдателями. Чтобы быть исследователем порнографии, нет необходимости любить этот жанр, нужно знать его — его долгую историю, различные способы теоретизации этого феномена и многочисленные формы критики.

С вопросом терминологии связан вопрос тона исследования. Однажды я обозначила Стивена Маркуса, автора новаторского исследования викторианской порнографии «Другие викторианцы», тем, кто пишет о порнографии, зажав нос. Я хотела бы задать иной тон — не высокомерный литературный тон, соизволяющий снизойти до короткого погружения в материал, олицетворяемый Институтом Кинси, а чтобы киновед, исследователь воспринимал порнографию как любой другой киножанр. Очевидно, что создавать текст в такой тональности может быть сложно. За презрительным тоном Маркуса притаился похотливый интерес, который придает работе интригующее напряжение. И мое собственное, и следующее за ним поколе-

ние исследователей порнографии большей частью настроены не зажимать нос и быть согласными на то, чтобы принимать свои собственные интересы, восхищение и личные предпочтения как в некотором роде порнографию. Иногда мы описываем половые акты в просторечных выражениях, не прячась за латинизированные термины. Делая это, мы старались «говорить открыто» и не скрывать наше возможное влечение к жанру вне показной или фальшивой объективности. Таким образом, если «минет» кажется более близким по духу к тому, что описывается, чем «фелляция», то так и говорится — вместе с тем принимая во внимание, насколько «минет» является адекватным термином. «Минет» редко является тем, что один делает с другим в конкретном половом акте; в действительности все обстоит наоборот. Если выбирать латинский термин, как я поступаю в большинстве случаев, его может оказаться трудно произнести³⁴. Ключевая проблема состоит в том, насколько исследователь хочет говорить от лица субъективного участника половых актов и как субъективный зритель-пользователь-актер фильмов, видео, а теперь еще и интерактивных игр. За более чем тридцать лет мы выросли, будучи достаточно близко знакомыми с порнографией, и поэтому стараемся отдавать себе отчет в этом знакомстве, хотя нам это дорого обходится.

Вывеска «Исследования порно» выглядит как приговор. Она требует, чтобы тот или та, кто ее использует, не были шокированы этими объектами, образами, звуками, мягкими или жесткими изображениями. Это означает, что подобное название не является непристойным хотя бы для меня (если не для тех, кто называет это более формальным термином «порнография»), и я одобряю привнесение подобного термина не только в повседневность, где он употребляется уже более двадцати лет, но и в академический дискурс. Для этого требуется, как было указано в моем приглашении на конференцию в Буффало, чтобы мы, наконец, могли выйти «за пределы затхлых цензурированных дискуссий». Но что же мы имеем? Если мы продвинулись дальше, чем прежние дискуссии между феминистками против цензуры и феминистками против порно, то пришли только к новым дискуссиям — о том, что онлайн-порнография вторглась в повседневность, об иллюзиях смерти и деградации, о доступности для детей, о том, что возрастает «размытость границы» между нашими телами и медиатехнологиями. Я хотела бы заметить, что мы не перешли никакие границы, что нам сужде-

34. В своем первом докладе о порнографии я постоянно произносила «фелляция», пока один коллега не поправил меня.

но оставаться у некоей границы в исследованиях различных существующих видов порнографии.

Я не согласна с Фионой Этвуд, когда она озадачивается тем, что «случится с Секретным кабинетом³⁵, когда нет больше музеев, чтобы скрывать в них нечто... как же будет дальше воспроизводиться „секрет секса“, когда он уже был так исчерпывающе раскрыт? Может ли заряд трепета перед порнографией оставаться и быть воспроизводимым в этом контексте?»³⁶ Моей первой реакцией на аргумент Этвуд был вопрос: в чем состоит секрет, если хранят эту историю публичные музеи? Второй реакцией были слова о том, что я не беспокоюсь, может ли порнография исчерпывающе раскрыть «секреты» секса. Думать так — значит мыслить секс как фиксированную вещь, которую более совершенные и всепроникающие медиатехнологии просто отражают. Но это не так. Всегда будут новые пределы, будет происходить смещение границ на/ценности об/ценности.

Я полностью сознаю, что мое терминологическое отрицание, возможно, не изменит чужих привычек. Вероятно, квир-ориентированные люди начнут говорить «порно», чтобы обозначить свою солидарность с порнографией, которая была так важна для появления этого течения. Другие будут этим указывать на отсутствие у себя каких-либо ограничений. Я лишь напому о необходимости сознавать, что у нас есть выбор, как называть то, что мы изучаем, — порно, порнуха или словом, которое будет связано с наглядностью того, что является предметом спора: порнография.

НА ГРАНИЦЕ

Просмотр порнографии — нечто вроде поиска такого места, где нечто происходит слишком далеко, места, которое превышает наши индивидуальные границы. У нас может не быть названия для того, что находится за этой границей, но, как давным-давно провозгласил судья Верховного суда США Поттер Стюарт, «мы знаем, что это, когда видим». Граница — это место, где мы неизбежно говорим: «Стоп! Тут я провожу черту!» Для порнографии характерна тенденция вызывать потребность в прочерчивании таких границ. Вызывающим в оригинальном названии конференции «На границе: порнография и гуманитарные науки» стало предположение, что порнография может хотеть разместить

35. Старейший в мире музей эротического искусства. Находится в итальянском Неаполе. — *Прим. пер.*

36. См.: Porn.com.

себя в поле гуманитарных наук, как и сами гуманитарные науки: вы только подумайте! Граница — это место, где разные виды порнографии нуждаются в том, чтобы отличаться друг от друга; это место, где некоторые виды порнографии, как показал нам божественный Маркиз, или фантазия и практика «незащищенного анального секса», всегда кажутся приглашением к тому, чтобы провести черту. Надо сказать, что предел «на пределе» — это место, где жизнь превращается в смерть, где «замечаемое со страхом табу» Жоржа Батая вызывает желание, которое зависит от него, и мы сталкиваемся лицом к лицу с чем-то вне удовольствия, грязным, возможно, даже фатальным³⁷.

Позвольте мне привести пример того, как порнобизнес отрицает идею границ. Если я хочу приобрести порнографическое видео на сайте *Treasure Island Media*, я должна совершить предварительное суждение о моей реакции на половые акты, которые могут быть в нем изображены. Вход на этот сайт требует, чтобы я кликнула ОК под длинным текстом, который объясняет, что мне разрешено. Многие действия описаны с обилием латинских терминов. Если я кликаю ОК, это значит, что «Я сознательный совершеннолетний человек, который хочет и легально может видеть этот материал; Я не нахожу графические изображения нижеперечисленных действий выходящими за пределы эротической или сексуальной привлекательности, и они не отталкивают меня страстностью, противной для моих чувств, и я не считаю их непристойными. Таким образом, я свободно и осознанно отказываюсь от любых прав, которые я могу иметь, на защиту от „непристойного“ материала по статье 189 Кодекса Соединенных Штатов... и любого другого закона, сходного по природе или назначению...» Прежде чем получить доступ к этой порнографии, я должна подтвердить, что ничто из представленного не будет переходить мои собственные границы и что я заранее знаю, что это не окажется для меня непристойным. Кроме того, я подтверждаю, что являюсь человеком, который хочет увидеть эти загадочные действия, и что, сделав это, «я не буду выступать осведомителем или свидетелем в любом действии против *Treasure Island Media*».

Разумеется, сейчас я понимаю, что это трюк для обхода законодательства. Я кликну ОК, потому что теперь мне интересно узнать, что означают слова «ирруминация» или «уролагния», но отчасти я кликаю ОК как раз потому, что знаю, что эти действия могут переходить границы того, что я хочу увидеть: я могу найти их непристойными. Иначе говоря, вместо того чтобы удо-

37. См.: Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. С. 491–701.

влетворить любопытство, я должна объявлять себя кем-то, кто не соблюдает никаких границ. Тут, на границе, происходит знакомство с «исследованиями порно». Оно требует, чтобы всегда было ОК, и отныне теряется точка, когда я хочу нечто увидеть потому, что этого не может быть. Но также возможно, что это отречение производится для того, чтобы разыграть «нарушение границ» в формате, который действительно имеет так много норм, что не так уж много остается того, что можно нарушить. В конце концов, худшая вещь, которая может случиться с порнографией, как утверждалось в вышеприведенной цитате Этвуд, — это то, что она станет банальной. И именно отречение — это все, что создает у меня впечатление, что моя работа направлена на борьбу с табу, которые все еще остаются табу.

Когда, например, *Treasure Island Media* просит меня перейти границы, как отметил Дэмон Янг, «границы как раз вводятся в самой риторике и анонсировании вопроса о желании выйти за них»³⁸. Это в конечном счете и есть моя критика *Treasure Island Media* (и Дина). Из-за того что Дин, кажется, действительно верит в отречение, он убежден, что занимается этнографией сообщества посредством изучения его порнографии. Другими словами, он верит в фантазию. Видео может выглядеть как документальное, в нем могут изображаться проникающие друг в друга тела, проникающие всевозможными способами и путями, но это тоже эротическая фантазия, которая зависит от возведенных границ, которые она предположительно хотела пересечь. Порнография в фильме, видео или Интернете всегда дважды противоречива: 1) документируя половые акты и 2) связывая фантазию со знанием об удовольствии или боли от этих действий. Исследователи порнографии должны помнить, что им всегда следует сохранять проблематизирующий взгляд на эту границу.

Перевод с английского Лины Медведевой

38. Янг продолжает: «Экстравагантно поддерживать пространство вокруг собственного продукта, производить аутентично отвратительную и переходящую границы порнографию посреди моря банальности». Частная e-mail переписка, Демон Янг — автору. 24 марта 2010.